
ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND INQUIRY

УДК 343.3/.7

DOI 10.52468/2542-1514.2024.8(3).142-151

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС МОНГОЛИИ. ОБЩАЯ ЧАСТЬ. ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В.М. Степашин

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

02 мая 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 сентября 2024 г.

Ключевые слова

Уголовный кодекс Монголии, зарубежное уголовное право, сравнительное уголовное право, постсоциалистическое право, Общая часть уголовного права

Изучается Уголовный кодекс Монголии. В результате исследования выявлены следующие особенности уголовно-правового регулирования в Монголии: 1. Закреплены принципы законности, справедливости и вины. Не допускается привлечение к уголовной ответственности за мнения или убеждения. 2. Раскрываются понятия продолжаемого преступления и идеальной совокупности преступлений. 3. Закреплены только две категории преступлений: тяжкие и небольшой тяжести. 4. Умысел не имеет деления на виды. 5. Дается понятие ущерба и вреда, причиненных преступлением. 6. Форма вины при соучастии не оговорена. 7. Ответственность соучастников дифференцирована. 8. Выделено две формы соучастия: групповое совершение преступления и организованная преступная группа. 9. Предусмотрена ответственность юридических лиц. Делается вывод, что монгольское уголовное законодательство обладает качественным своеобразием.

THE CRIMINAL CODE OF MONGOLIA. THE GENERAL PART. CRIME

Vitaliy M. Stepashin

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2024 May 02

Accepted –

2024 June 20

Available online –

2024 September 20

Keywords

Criminal Code of Mongolia, foreign criminal law, comparative criminal law, post-socialist law, General part of criminal law

Introduction. In a number of positions, the Criminal Code of Mongolia is recognized as more progressive than the Criminal Code of the Russian Federation. Therefore, it is no coincidence that there is a noticeable increase in the number of publications devoted to legislative decisions of the Criminal Code of Mongolia, which are of undoubted interest in scientific discussions on key criminal law issues.

General provisions. The Criminal Code opens with Chapter 1 "General provisions", which sets out the goals, principles of the criminal legislation of Mongolia, the rules of its operation in space and time. The Criminal Code of Mongolia enshrines only three principles: legality, justice and guilt. The law explicitly states that it is not allowed to bring a person to criminal responsibility for opinions or beliefs. The issue of the time of commission of ongoing and ongoing crimes has been resolved. The rules on the statute of limitations of a crime have been moved to this chapter.

Crime. The foresight of an act in the criminal law is called an indispensable condition for the recognition of an act and omission as criminal, and, in particular, a careless act. The concepts of a continuing crime and an ideal set of crimes are revealed. Only two categories of crimes are fixed: serious and minor. The form of guilt for the purposes of categorization of crimes in the Criminal Code of Mongolia is insignificant. The very forms of guilt (intent and negligence) are named in art. 2.3. At the same time, intent is not divided into types. The Criminal Code of Mongolia defines the concept of damage and harm caused by a crime. The chapter ends with the regulations on the unfinished crime.

Complicity. It is noteworthy that the form of guilt of the crime committed is not specified in the law. A mediocre performer is a person who has committed a crime by using not only a person who has not reached the age from which criminal responsibility begins, an insane

person, but also other persons who have not committed a crime in complicity with the perpetrator and do not realize that a crime is being committed, or livestock or other animals. The perpetrator of a crime is also recognized as a person who inclines another person to commit a crime under the influence of physical or mental coercion.

Circumstances precluding the criminality of the act. This institution has found regulation in Chapter 4 of the Criminal Code. It can distinguish significant differences from the Russian Criminal Code in regulating necessary defense, extreme necessity, coercion, reasonable risk, and execution of an order.

The procedure, grounds for criminal prosecution and exemption from criminal liability. Chapter 6 contains regulatory requirements that define: (1) signs of the subject of the crime – an individual; (2) general rules for bringing to criminal responsibility and (3) special rules for sentencing; (4) rules for exemption from criminal liability and punishment.

Liability of legal entities. Chapter 9, which closes the General Part, is devoted to their responsibility, which defines the grounds for bringing legal entities to criminal responsibility; types of criminal liability; guarantees of its inevitability. The basis for the imposition of punishment is the sole or joint decision of authorized officials representing a legal entity, or actions or omissions committed in the interests of a legal entity that contain signs of an appropriate *corpus delicti*.

Conclusions. Modern Mongolian criminal legislation, while maintaining continuity and honoring legal and cultural traditions, has a qualitative originality. The normative prescriptions proposed in it are of interest to Russian criminal law science and the legislator. Undoubtedly, the experience of Mongolian criminal law regulation can and should be taken into account by the domestic legislator.

1. Введение

Правовая культура и элементы юридической техники монгольского права схожи с правовой системой России, в первую очередь в силу соседства и исторически сложившихся дружеских отношений [1, с. 49; 2; 3, с. 38]. При этом национальные системы уголовно-правового принуждения во многом уникальны, поскольку формировались на фоне социально-политических потрясений, что дало простор для масштабного правового экспериментирования [4, с. 44]. В настоящее время заметны желания отдельных ученых и монгольских юридических школ выделить еще два вектора: западный (европейский) и азиатский (Япония, Корея) [5, с. 80].

В Монголии действует Уголовный кодекс (далее – УК), который был принят 3 декабря 2015 г. (вступил в законную силу с 1 июля 2017 г.) и характеризуется многими новациями. Омская академия МВД РФ и Университет внутренних дел Монголии впервые осуществили перевод полного текста УК Монголии (по состоянию на 1 августа 2020 г.)¹.

В доктрине УК Монголии получил оценку как выполненный на современном уровне объемный и сложный нормативный правовой акт, основанный на едином правовом подходе, стройной системе

принципов и системной юридической технике [6, с. 107–109]. По ряду позиций УК Монголии признают более прогрессивным в сравнении с УК РФ [7, с. 119]. Не случайным потому видится заметный рост числа публикаций [8–12] и монографических исследований [13], посвященных законодательным решениям УК Монголии.

УК Монголии состоит из Общей и Особенной частей, включающих 9 и 20 глав соответственно. Заключительная гл. 30 «Иное» содержит лишь одну статью, определяющую дату вступления в силу действующего монгольского УК – 1 июля 2017 г.

2. Результаты исследования

2.1. Общие положения (гл. 1 УК Монголии)

Открывается УК Монголии гл. 1 «Общие положения», в которой закреплены цели, принципы уголовного законодательства, правила его действия. Целями УК Монголии определены: охрана гарантированных Конституцией Монголии прав и свобод человека, общественных и национальных интересов, конституционного строя, обеспечение национальной безопасности и безопасности человечества от преступных посягательств, а также предупреждение преступлений (ст. 1.1 УК Монголии).

¹ Уголовный кодекс Монголии / пер. с монг. Батболд Галбадрах, Амарсанаа Вандан-Иш; науч. ред. пер. и пре-

дисл. М.В. Бавсуна, А.А. Нечепуренко. Омск: Ом. акад. МВД России, 2020. 144 с.

В УК Монголии закреплены всего три принципа: законности (ст. 1.2), справедливости (ст. 1.3) и вины (ст. 1.4). Но в ч. 2 ст. 1.3 устанавливается, что при признании деяния преступлением и назначении наказания не допускается дискриминация человека (ялгаварлан гадуурхахгүй) в зависимости от его национальности, языка, расы, возраста, пола, социального происхождения, состояния, имущественного и должностного положения, отношения к религии, убеждений, половой принадлежности, образования и наличия инвалидности. Таким образом, законодатель включает в принцип справедливости и принцип равенства граждан перед законом [14, с. 358].

Установление уголовной ответственности юридических лиц также нашло отражение в содержании принципов уголовного закона. Так, согласно ч. 1 ст. 1.3 уголовная ответственность, применяемая к конкретному физическому или юридическому лицу, совершившему преступление, должна соответствовать характеру и степени его общественной опасности, категории преступления, а также форме вины. При этом привлечение лица, совершившего преступление от имени или в интересах юридического лица, к уголовной ответственности не может стать основанием освобождения юридического лица от уголовной ответственности (ч. 4 ст. 1.3).

Примечательно, что, раскрывая содержание принципа вины, законодатель не только воспроизводит идею уголовной ответственности лишь за совершение преступлений, в отношении которых судом установлена вина лица (ч. 1 ст. 4), и запрета объективного вменения (ч. 2), но и формулирует в ч. 3 понятие невиновного причинения вреда (аналогично предписаниям ч. 1 ст. 28 УК РФ). Кроме того, в законе прямо указано, что не допускается привлечение человека к уголовной ответственности за мнения или убеждения (ч. 4).

Правила действия уголовного закона во времени, пространстве и по кругу лиц сформулированы традиционно [15]: с использованием принципов территориального, экстерриториальности, гражданства, реального, универсального, ультраактивности. Если новый закон смягчает наказание за деяние, за которое лицо отбывает наказание, то назначенное наказание подлежит судом сокращению *в пределах размера санкции* вновь принятой нормы (ч. 3 ст. 1.9).

Непосредственно в УК Монголии решен вопрос о времени совершения длящихся [16] и продолжаемых преступлений (ч. 3 ст. 1.8). В эту же главу перенесены правила о сроке давности преступления

(ст. 1.9) [17], в которых, помимо прочего, содержится специальная норма (ч. 5), устанавливающая пятилетний давностный срок к преступлениям, состоящим в уклонении от уплаты налогов.

2.2. Преступление (гл. 2 УК Монголии)

Преступлением признаётся виновно совершённое общественно опасное действие или бездействие, предусмотренное Особенной частью УК Монголии (ч. 1 ст. 2.1). Больше внимание уделяется признаку противоправности. В ч. 3 указанной статьи подчеркивается: не считается преступлением действие или бездействие, причинившее вред, ущерб, обладающее признаками вины, но не предусмотренное Особенной частью. В ст. 2.2 предусмотренность деяния в уголовном законе называется неперенным условием признания преступным действия и бездействия (ч. 1) и, в частности, неосторожного деяния (ч. 2). В этой же статье раскрываются понятия продолжаемого преступления (ч. 3) и идеальной совокупности преступлений (ч. 4).

УК Монголии отказался от понятия рецидива преступлений. Однако совершение умышленных преступлений, предусмотренных в одной главе УК Монголии, два или более раза, признаётся обстоятельством, отягчающим уголовную ответственность (ч. 1.2 ст. 6.6). При этом категория совершённого преступления и возраст преступника не имеют значения.

Категоризация же преступлений осуществлена в ст. 2.6 УК Монголии, в которой закреплены только две категории: тяжкие и небольшой тяжести. Преступлениями небольшой тяжести признаются деяния, за совершение которых максимальный размер наказания, предусмотренного УК Монголии, не превышает пяти лет лишения свободы либо установлен более мягкий вид наказания. Показателем же общественной опасности для тяжких преступлений выступает *строгость минимально возможного наказания*: таковыми признаются деяния, за совершение которых минимальное наказание составляет не менее двух лет лишения свободы. Форма вины для целей категоризации преступлений незначима.

Собственно сами формы вины (умысел и неосторожность) названы в ст. 2.3. При этом умысел имеет деления на виды и характеризуется: 1) осознанием незаконности своих действий или бездействия; 2) желанием их совершения; 3) преднамеренным причинением вреда или ущерба. Неосторожность делится, в российской терминологии, на легкомыслие и небрежность, но в содержание их интеллектуального момента также включено осознание незаконности своих действий или бездействия. Сме-

шанной формой вины является причинение вреда и ущерба по неосторожности вследствие умышленных действий или бездействия (ч. 1 ст. 2.4).

В УК Монголии дается понятие ущерба и вреда, причиненных преступлением (ч. 1–3 ст. 2.5). В ч. 4 указанной статьи определены унифицированные размеры ущерба, предусмотренного УК Монголии: крупный (в размере не менее пятидесяти тысяч единиц); значительный (в размере не менее десяти тысяч единиц); небольшой (в размере не более трехсот единиц). Одна штрафная единица равна тысяче тугриков (ч. 3 ст. 5.3).

Завершают главу предписания о неоконченном преступлении (ст. 2.7, 2.8). Уголовная ответственность не наступает за действия или бездействие к приготовлению преступлений, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы до трех лет. Наказуемость приготовления ограничена одной третью максимального размера наказания, назначаемого за совершённое преступление, а покушения – двумя третями. Покушением на преступление в УК Монголии прямо признаются действия лица, отдавшего явно незаконные приказ или поручение, в случае их неисполнения (ч. 3 ст. 4.6).

В ч. 3, 4 ст. 2.8 изложены аналогичные отечественным предписания о добровольном отказе от совершения преступления и его уголовно-правовых последствиях.

2.3. Соучастие (гл. 3 УК Монголии)

Институт соучастия предлагает оригинальное решение проблем, дискутируемых и в отечественной науке [18; 19]. Соучастием в преступлении признаётся умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления (ч. 1 ст. 3). Форма вины совершаемого преступления в законе не оговорена. Соучастием в преступлении признаётся и предварительный сговор на совершение преступления либо умышленные совместные действия без предварительного сговора на совершение преступления (ч. 3 ст. 3.1).

Соучастниками признаются, как и в российском уголовном законодательстве, исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник. Примечательно, что посредственным исполнителем признаётся лицо, совершившее преступление посредством использования не только лица, не достигшего возраста, с которого наступает уголовная ответственность, невменяемого, но и *других лиц, не совершавших преступление в соучастии с виновным и не осознающих, что совершается преступление, либо скота или других животных*. Исполнителем призна-

ётся и лицо, склоняющее другого человека к совершению преступления под влиянием физического или психического принуждения (ч. 2 ст. 4.4).

Поскольку монгольский законодатель предусмотрел уголовную ответственность и для юридических лиц, в УК Монголии особо оговорено, что исполнителем признаётся уполномоченное должностное лицо, которое вправе принять решение за юридическое лицо, принимавшее решение или давшее разрешение от имени или в интересах юридического лица на совершение преступления, посредством использования другого лица, в действиях или бездействии которого содержатся признаки состава преступления. При этом должностное лицо юридического лица, совершившее преступление совместно с руководителем юридического лица, если оно знало, что решение руководителя незаконно, признаётся соисполнителем.

Соисполнителем признаётся и организатор совершения преступления, т. е. лицо, инициировавшее, планировавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, организовавшее распределение обязанностей или участие соисполнителей, а также лицо, создавшее организованное преступное сообщество (ч. 1, 2 ст. 3.3), а также лицо, создавшее организованную преступную группу либо руководящее ею (ч. 2 ст. 3.8). Последнее также подлежит наказанию за создание организованной группы и руководство ею.

В УК Монголии нашёл решение и вопрос о наказуемости деяний соучастников. Так, наказание подстрекателю должно быть назначено не мягче, а наказание пособнику – не строже наказания, которое назначается исполнителю преступления. Тем самым подстрекатель уравнивается по общественной опасности с исполнителем преступления, а наименее опасным видом соучастника признан пособник.

Закон называет две формы соучастия: групповое совершение преступления (независимо от наличия сговора) и организованная преступная группа. Несомненный интерес представляет понятие организованной группы. Во-первых, такая группа является собой устойчивое объединение, состоящее из заранее объединившихся лиц; во-вторых, таких лиц должно быть не менее трех; в-третьих, такая группа должна быть создана в целях получения выгоды; в-четвертых, способом извлечения прибыли является *постоянное* совершение преступлений (ч. 1 ст. 3.8).

Член организованной преступной группы несет уголовную ответственность не только за преступления, ею совершённые, но и за вступление в органи-

зованную группу. Таковым признаётся и лицо, присоединившееся к деятельности организованной преступной группы и совершившее преступление. Закон предусматривает возможность смягчения наказания или освобождения от наказания члена организованной преступной группы при условии: 1) признания им вины; 2) явки с повинной; 3) оказания содействия в раскрытии преступлений, совершённых организованной преступной группой, предоставления сведений или иного сотрудничества с правомочными органами (ч. 6 ст. 3.8).

2.4. Обстоятельства, исключающие преступность деяния (гл. 4 УК Монголии)

Таких обстоятельств, как и в УК РФ, шесть: необходимая оборона (ст. 4.1); посягательство, совершённое в целях задержания и пресечения (ст. 4.2); причинение вреда при крайней необходимости (ст. 4.3); принуждение и влияние (ст. 4.4); обоснованный риск (ст. 4.5); исполнение приказа или поручения (ст. 4.6). Но есть и существенные отличия, прежде всего в части определения критериев правомерности причиненного вреда [20–22].

Во-первых, УК Монголии отказался от понятия «превышение пределов необходимой обороны». Не являются преступлением действия, содержащие признаки состава преступления, направленные против нападения и иных незаконных действий против жизни или здоровья обороняющегося лица или других лиц. При этом не признаются необходимой обороной действия, сопряженные с сопротивлением законным действиям сотрудника правоохранительного органа, который имеет право на применение огнестрельного оружия, физической силы и специальных средств в соответствии с законом при исполнении служебной обязанности и расследовании дел, или работника службы охраны, который имеет право на применение огнестрельного оружия, физической силы и специальных средств в соответствии с законом при исполнении служебной обязанности. Под сотрудником правоохранительного органа в УК Монголии понимается служащий органа полиции, разведки, исполнения судебных решений, специальной службы государственной охраны, уполномоченное лицо, которому предоставлено специальное право законом, а также инспектор по охране природных ресурсов (примечание к ст. 4.2).

Во-вторых, превышением мер, необходимых для задержания лица или пресечения преступных действий, признаётся причинение неправомерного вреда *сотрудником правоохранительного органа*.

В-третьих, не признаётся преступлением деяния, совершённые под неизбежным влиянием других лиц, вследствие применения насилия или угрозы применением насилия либо причинением вреда или ущерба правам или законным интересам данного лица, *членов семьи или других лиц*, если при этом не была *явно превышена угрожающая опасность*.

В-четвертых, ограничена сфера применения такого обстоятельства, как обоснованный риск. Он допустим только при выполнении производственной или исследовательской работы для достижения общественно полезных результатов, а достаточные профилактические меры для предотвращения вреда должны быть предусмотрены в законе или стандарте.

И, наконец, в-пятых, действия лица, отдавшего явно незаконные приказ или поручение, признаются покушением на преступление в случае их неисполнения.

2.5. Порядок, основания привлечения к уголовной ответственности и освобождения от уголовной ответственности (гл. 6 УК Монголии)

Довольно необычна гл. 6 УК Монголии. В ней содержатся нормативные предписания, определяющие: 1) признаки субъекта преступления – физического лица; 2) общие правила привлечения к уголовной ответственности; 3) специальные правила назначения наказания; 4) правила освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Физическое лицо как субъект преступления по УК Монголии должно достичь возраста уголовной ответственности и обладать вменяемостью.

Общий возраст уголовной ответственности в Монголии, как и в России, составляет 16 лет. Лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста, подлежат уголовной ответственности за относительно простые в совершении преступления, общественная опасность которых достаточно очевидна (убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование, кража, разбой и др.). Исчерпывающий перечень таких преступлений представлен в ч. 2 ст. 6.2. Он значительно уже, нежели в ч. 2 ст. 20 УК РФ, но в него обоснованно включены и такие деяния, как нарушение общественного спокойствия (ст. 20.16), неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 26.1), изготовление или сбыт программ или технических средств, имеющих незаконный доступ к сети компьютерной информации (ст. 26.2), создание, использование и распространение вредоносного программного обеспечения (ст. 26.3). При этом совершившим указанные преступления подросткам,

которые в силу отставания в психическом развитии не способны в полной мере осознавать незаконность своих действий или бездействия либо причиняемый их деянием вред, допускается не назначать наказание.

Невменяемостью, как и в России, признаётся состояние лица, при котором оно не осознаёт фактического характера и общественной опасности своих действий либо не способно руководить ими вследствие психического расстройства или слабоумия. Законодатель отказался от выделения типов психических расстройств. При этом невменяемость не связывается со временем совершения общественно опасного деяния: согласно ч. 4 ст. 6.3 УК Монголии лицу, у которого *после совершения преступления* наступила невменяемость, судом назначаются принудительные меры медицинского характера. В случае выздоровления такое лицо подлежит наказанию.

Принудительные меры медицинского характера также могут быть назначены лицу, совершившему преступление в состоянии опьянения, если судом будет установлено состояние алкогольной или наркотической зависимости.

2.6. Ответственность юридических лиц (гл. 9 УК Монголии)

Ответственности юридических лиц, активно обсуждаемой в российской доктрине [23; 24], посвящена закрывающая Общую часть УК Монголии гл. 9, в которой определены основания привлечения юридических лиц к уголовной ответственности; виды уголовной ответственности; гарантии ее неотвратимости [25]. Кроме того, ч. 4 ст. 5.1 УК Монголии («Цели уголовной ответственности») устанавливает, что юридическое лицо несет уголовную ответственность в случае, если это предусмотрено Особенной частью.

Основанием назначения наказания юридическому лицу служат единоличное или совместное решение уполномоченных должностных лиц, представляющих юридическое лицо, либо действия или бездействие, совершённые в интересах юридического лица, которые содержат признаки соответствующего состава преступления. Часть 2 ст. 9.1 конкретизирует, что такое преступление может быть совершено: 1) должностным лицом, имеющим право принять решение от имени юридического лица; 2) другим лицом по поручению этого должностного лица

путем принятия решения или дачи разрешения от имени или в интересах юридического лица; 3) действиями или бездействием, совершёнными путем неисполнения возложенных законом обязанностей.

Важно, что привлечение юридического лица к уголовной ответственности не является основанием для освобождения от наказания уполномоченного должностного лица, принимавшего решение или дающего разрешение от имени юридического лица.

Единственным видом наказания, установленным для юридических лиц, является штраф в размере от десяти тысяч до четырехсот тысяч единиц. К нему могут быть присоединены принудительные меры в виде: 1) лишения права (запрет осуществления одного или нескольких видов деятельности на срок от одного года до восьми лет либо меры в виде лишения права, предусмотренные Особенной частью УК Монголии); 2) ликвидации; 3) конфискации имущества или дохода юридического лица.

Монгольский законодатель создает существенные гарантии неотвратимости уголовной ответственности юридического лица (ст. 9.7) в случае преобразования юридического лица, которое должно было нести уголовную ответственность.

Кроме того, уголовной ответственности подлежат держатели акций, которым распределено имущество, или лицо, имеющее общие интересы, необоснованно получившее от юридического лица имущество, имущественные или неимущественные права любой формы и любым способом, а также другие лица, передающие имущество, имущественные или неимущественные права без обратной выплаты в случае, если совершена умышленная ликвидация юридического лица в целях уклонения от уголовной ответственности в ходе разбирательства дела.

3. Выводы

Современное монгольское уголовное законодательство, сохраняя преемственность и чтя правовые и культурные традиции, обладает качественным своеобразием. Предложенные в нем нормативные предписания представляют интерес для российской уголовно-правовой науки и законодателя. Несомненно, что опыт монгольского уголовно-правового регулирования должен быть учтен отечественным законодателем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Наваан Г. Некоторые вопросы реформы Уголовного кодекса Монголии / Г. Наваан // Международный пенитенциарный журнал. – 2016. – № 4. – С. 49–51.

2. Ганбат Э. Уголовное право РФ и Монголии: некоторые проблемы сравнительного анализа / Э. Ганбат // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 15–16 июня 2007 г.). – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. ун-та, 2007. – С. 134–137.

3. Наваан Г. Новые тенденции в развитии института наказания в Монголии / Г. Наваан // Преступление, наказание, исправление : III Междунар. пенитенциар. форум (Рязань, 21–23 нояб. 2017 г.) : сб. тез. выступлений и докл. участников : в 8 т. – Рязань : Акад. права и управления Федер. службы исполнения наказаний, 2017. – Т. 1. – С. 38–42.

4. Нечепуренко А. А. Совершенствование законодательного регулирования условно-досрочного освобождения в Монголии как разновидности уголовного испытания / А. А. Нечепуренко, Б. Чулуунбаатар // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2018. – № 4 (71). – С. 44–49.

5. Хармаев Ю. В. О реформе уголовных наказаний в проекте нового Уголовного кодекса Монголии / Ю. В. Хармаев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 3 (64). – С. 79–81. – DOI: 10.12737/article_593fc343bd0597.85858738.

6. Раднаева Э. Л. Генезис развития уголовного законодательства в Монголии / Э. Л. Раднаева, Д. Сурэнжав // Экономика, политика, право: вчера, сегодня, завтра. Роль профсоюзов : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию образования ФНПР и 110-летию профсоюз. Движения (Улан-Удэ, 27 мая 2016 г.). – Улан-Удэ : Бурят. фил. Акад. труда и соц. отношений, 2016. – С. 105–109.

7. Ганмягмар Б. Э. Сравнительный анализ законодательства о профилактике преступлений в Монголии и России / Б. Э. Ганмягмар // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2017. – № 4 (24). – С. 118–123.

8. Дорж Э. Особенности легализации денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, по законодательству России и Монголии / Э. Дорж // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 12 (192). – С. 144–146. – DOI: 10.47643/1815-1337_2020_12_144.

9. Жутъяа Н. Безопасная окружающая среда и уголовно-правовая политика современной Монголии: актуальность проблемы / Н. Жутъяа // Мир политики и социологии. – 2018. – № 1. – С. 173–181.

10. Мяханова А. Н. Антикоррупционная политика в современной Монголии / А. Н. Мяханова, Ж. П. Гунзынов // Вестник. Государство и право. – 2022. – № 2 (33). – С. 11–15.

11. Семенова Н. А. Мошенничество в киберпространстве по уголовному законодательству России и Монголии / Н. А. Семенова, Т. И. Эрхитуева // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. – 2021. – № 3. – С. 40–45. – DOI: 10.18101/2658-4409-2021-3-40-45.

12. Степанова Е. Е. Законодательство России и Монголии в сфере противодействия коррупции / Е. Е. Степанова // Философия права. – 2023. – № 1 (104). – С. 36–41.

13. Амарсанаа В. И. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь и здоровье представителя власти по законодательству Российской Федерации и Монголии / В. И. Амарсанаа, М. В. Бавсун, К. Н. Карпов. – СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД РФ, 2022. – 136 с.

14. Эрхитуева Т. И. Некоторые особенности системы видов наказания России и Монголии / Т. И. Эрхитуева // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16, № 3. – С. 357–362. – DOI: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).3.358.

15. Голубцов В. Г. Типы действия норм права во времени / В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – Вып. 3 (57). – С. 348–371. – DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-348-371.

16. Ображиев К. В. Юридическая природа и признаки делящегося преступления / К. В. Ображиев // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 4. – С. 442–455. – DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(4).442-455.

17. Чинбат Б. Некоторые проблемы срока давности в новом Уголовном кодексе Монголии / Б. Чинбат // Правоохранительные органы: теория и практика. – 2023. – № 1 (44). – С. 281–282.

18. Прокументов Л. М. Уголовно-правовые средства противодействия групповой преступности / Л. М. Прокументов, А. В. Шеслер // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2022. – № 43. – С. 86–96. – DOI: 10.17223/22253513/43/7.

19. Шеслер А. В. Содержание совместности при соучастии в преступлении / А. В. Шеслер // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16, № 3. – С. 342–354. – DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(3).342-354.

20. Лувсан Б. О. Некоторые проблемы реализации обстоятельств, исключающих преступность деяния / Б. О. Лувсан, А. Вандан-Иш // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 4 (100). – С. 98–104. – DOI: 10.35750/2071-8284-2023-4-98-104.

21. Руденко А. С. Специфика законодательного закрепления права на необходимую оборону в уголовном законодательстве России и Монголии / А. С. Руденко, И. А. Тараканов // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2022. – № 2 (45). – С. 66–74. – DOI: 10.34988/2226-2326.2022.45.2.010.

22. Смирнов А. М. Зарубежный опыт правовой регламентации внесудебных форм защиты прав и свобод личности, исключающих преступность деяния / А. М. Смирнов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12, вып. 1. – С. 144–154. – DOI: 10.21638/spbu14.2021.110.

23. Бытко Ю. И. Почему в России до сих пор не принят закон об уголовной ответственности юридических лиц? / Ю. И. Бытко // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – Вып. 2 (44). – С. 352–373. – DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-352-373.

24. Кузнецова Н. И. И снова об уголовной ответственности юридических лиц: два взгляда на проблему (на примере экологических преступлений) / Н. И. Кузнецова, М. Н. Урда // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – Т. 17, № 6. – С. 567–576. – DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(6).567-576.

25. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц в Монголии / А. В. Федоров // Российский следователь. – 2022. – № 4. – С. 73–80. – DOI: 10.18572/1812-3783-2022-4-73-80.

REFERENCES

1. Navaan G. Some issues of reform of the criminal code of Mongolia. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal = International Penitentiary Journal*, 2016, no. 4, pp. 49–51. (In Russ.).

2. Ganbat E. Criminal law of the Russian Federation and Mongolia: some problems of comparative analysis, in: *Sravnitel'noe pravovedenie v stranakh Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona*, Proceedings of the international scientific and practical conference (Ulan-Ude, June 15-16, 2007), Ulan-Ude, Buryat University Publ., 2007, pp. 134–137. (In Russ.).

3. Navaan G. New trends in the development of the institution of punishment in Mongolia, in: *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, III International penitentiary forum (Ryazan, November 21-23, 2017), abstracts of reports of participants, in 8 volumes, Ryazan, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service Publ., 2017, vol. 1, pp. 38–42. (In Russ.).

4. Nechepurenko A.A., Chuluunbaatar B. Improving the legislative regulation of parole in Mongolia as a type of criminal trial. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4 (71), pp. 44–49. (In Russ.).

5. Kharmaev Yu.V. On the reform of criminal penalties in the draft of the new Criminal Code of Mongolia. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2017, no. 3 (64), pp. 79–81. DOI: 10.12737/article_593fc343bd0597.85858738. (In Russ.).

6. Radnaeva E.L., Surenzhav D. Genesis of the development of criminal legislation in Mongolia, in: *Ekonomika, politika, pravo: vchera, segodnya, zavtra. Rol' profsoyuzov*, collection of scientific articles based on materials from international scientific and practical conference, dedicated to the 25th anniversary of the formation of the Federation of Independent Trade Unions of Russia and the 110th anniversary of the trade union movement, Ulan-Ude, Buryat Branch of Academy of Labor and Social Relations Publ., 2016, pp. 105–109. (In Russ.).

7. Ganmyagmar B.E. Comparative analysis of crime prevention legislation in Mongolia and Russia. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy = Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies*, 2017, no. 4 (24), pp. 118–123. (In Russ.).

8. Dorzh E. Features of the legalization of funds or other property acquired by criminal means, according to the legislation of Russia and Mongolia. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*, 2020, no. 12 (192), pp. 144–146. DOI: 10.47643/1815-1337_2020_12_144. (In Russ.).

9. Zhutyaa N. Safe environment and criminal law policy of modern Mongolia: relevance of the problem. *Mir politiki i sotsiologii = World of politics and sociology*, 2018, no. 1, pp. 173–181. (In Russ.).

10. Myakhanova A.N., Gunzynov Zh.P. Anti-corruption policy in modern Mongolia. *Vestnik. Gosudarstvo i pravo = Bulletin. State and law*, 2022, no. 2 (33), pp. 11–15. (In Russ.).

11. Semenova N.A., Erkhitueva T.I. Fraud in cyberspace under the criminal legislation of Russia and Mongolia. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yurisprudentsiya = Bulletin of the Buryat State University, Jurisprudence*, 2021, no. 3, pp. 40–45. DOI: 10.18101/2658-4409-2021-3-40-45. (In Russ.).
12. Stepanova E.E. Legislation of Russia and Mongolia in the field of combating corruption. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2023, no. 1 (104), pp. 36–41. (In Russ.).
13. Amarsanaa V.I., Bavsun M.V., Karpov K.N. *Criminal liability for an attack on the life and health of a government representative under the legislation of the Russian Federation and Mongolia*. St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2022. 136 p. (In Russ.).
14. Erkhitueva T.I. Some features of the system of types of punishment in Russia and Mongolia. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Criminal executive law*, 2021, vol. 16, no. 3, pp. 357–362. DOI: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).3.358. (In Russ.).
15. Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. Types of legal norms operation in time. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical sciences*, 2022, iss. 3 (57), pp. 348–371. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-348-371. (In Russ.).
16. Obrazhiev K.V. Legal nature and signs of a continuing crime. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Criminological Journal*, 2021, vol. 15, no. 4, pp. 442–455. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(4).442-455. (In Russ.).
17. Chinbat B. Some problems of the statute of limitations in the new Criminal Code of Mongolia. *Pravookhranitel'nye organy: teoriya i praktika = Law enforcement agencies: theory and practice*, 2023, no. 1 (44), pp. 281–282. (In Russ.).
18. Prozumentov L.M., Shesler A.V. Criminal legal means against combating group crime. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2022, no. 43, pp. 86–96. DOI: 10.17223/22253513/43/7. (In Russ.).
19. Shesler A.V. Content of jointness in complicity in a crime. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Criminological Journal*, 2022, vol. 16, no. 3, pp. 342–354. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(3).342-354. (In Russ.).
20. Luvsan B.O., Vandan-Ish A. Some problems of implementing circumstances that exclude the criminality of an act. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (100), pp. 98–104. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-4-98-104. (In Russ.).
21. Rudenko A.S., Tarakanov I.A. Specifics of legislative recognition of the right to necessary defense in the criminal legislation of Russia and Mongolia. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii = Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*, 2022, no. 2 (45), pp. 66–74. DOI: 10.34988/2226-2326.2022.45.2.010. (In Russ.).
22. Smirnov A.M. Foreign experience in legal regulation of extrajudicial forms of protection of an individual rights and freedoms excluding the criminality of the act. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2021, vol. 12, iss. 1, pp. 144–154. DOI: 10.21638/spbu14.2021.110. (In Russ.).
23. Bytko Yu.I. Why has not Russia adopted the law on criminal liability of legal entities yet?. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2019, iss. 2 (44), pp. 352–373. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-352-373.
24. Kuznetsova N.I., Urda M.N. And again about the criminal liability of legal entities: two views on the problem (using the example of environmental crimes). *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 6, pp. 567–576. DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(6).567-576. (In Russ.).
25. Fedorov A.V. Criminal liability of legal entities in Mongolia. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*, 2022, no. 4, pp. 73–80. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-4-73-80. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степашин Виталий Михайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Vitaliy M. Stepashin – Doctor of Law, Professor,
Department of Criminal Law and Criminology
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: stivomsk@rambler.ru

644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: stivomsk@rambler.ru
SPIN-код РИНЦ: 9569-9315

RSCI SPIN-code: 9569-9315

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Степашин В.М. Уголовный кодекс Монголии. Общая часть. Преступление / В.М. Степашин // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 142–151. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).142-151.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Stepashin V.M. The Criminal Code of Mongolia. The General Part. Crime. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 3, pp. 142–151. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).142-151. (In Russ.).